

Хватит бороться с коррупцией

Борьба с коррупцией энергично и эффективно уничтожает российское образование

Как это выглядит на практике? В крупном российском городе об одном из детских садов прошел слух, что заведующая берет десятки тысяч рублей за право отдать туда ребенка. За садик взялась прокуратура. Подтвердились вопиющие факты или были опровергнуты, сказать трудно; но родители воспитанников этого садика действительно оказались достаточно солидны и авторитетны, чтобы прокуратура сняла все вопросы и выдала резюме в самом благожелательном духе.

Однако энтузиазм был разожжен, операция начата — и во все тридцать садов центрального района города нагрянули прокурорские проверки. Вскоре большинству заведующих было обещано, что против них возбудят уголовные дела; одним выпали инсульты и инфаркты, другие увольняются, третьи готовятся к судам.

Одним районом дело не ограничилось. Прокуратура перешла к системным выводам, исполнительно оформленным городскими властями.

Главным из антикоррупционных решений стал категорический запрет льготного приема детей сотрудников. То есть у значительной части воспитателей и едва ли не большинства нянечек с 1 сентября исчез основной стимул работы: ведь стимулом была именно возможность устройства своего малыша, а не крохотная зарплата.

Упомянутый город — среди тех, где очередь по устройству в детские сады особенно велика. О нехватке детских садов обычно рассуждают как о проблеме отсутствия зданий, но гораздо существеннее то, что в детских садах все чаще некому работать. Теперь их станет еще меньше.

Главные решения в сфере образования давно не принадлежат образовательным специалистам. Недолгое время их сочиняли политики, потом экономисты и бухгалтеры, теперь ход жизни образовательных учреждений взялись определять прокуроры.

Все чаще это признают на местах официально. Выступления образовательных руководителей начинают звучать именно так: «Нас не волнует ни педагогика, ни даже экономика вашего учреждения. Лучший детский сад тот, к которому нет претензий у прокуратуры».

Все знают, что финансирование дошкольного образования в последние двадцать лет ужасает. Без обращения к неформальной денежной и деловой помощи родителей большинство детских садов выжить не могло и не может. У выживших сложились какие-то свои негласные правила отношений с родителями, с начальством, с собственными сотрудниками. Какие-то заведующие таким положением дел злоупотребляли, какие-то сами отдавали последнее — но нарушителем законов и инструкций при желании можно объявить любую.

Как победить коррупцию в детских садах? В общем-то очень просто: нормальным финансированием и приумножением их числа. А вот бороться с коррупцией в садах можно долго, пафосно и до полного уничтожения противника, т.е. педагогов-«дошкольников».

«Стремлением к прозрачности и некоррупционности» мотивировалась львиная доля глобальных образовательных новаций последних лет: от кампании по ликвидации сельских школ, «не укладывающихся в рамки финансовых нормативов», до того же ЕГЭ.

В ходе «реструктуризации» в среднестатистическом российском районе за пределами райцентра и ближайших к нему сел осталось по две-три полноценные школы. Школьная сеть в России откатилась в девятнадцатый век. Только пустота оказалась достаточно прозрачной.

ЕГЭ превратил локальную проблему вузовской коррупции в глобальный соблазн. Поскольку результаты ЕГЭ на практике стали главным инструментом оценивания и школ, и учителей, и управленцев, то в фальсификации знаний выпускников заинтересованы теперь все. Способов для такой фальсификации, как убедились этим

летом, предостаточно. Где и в какой мере ими будут пользоваться – станет зависеть лишь от местных представлений о приличии.

На наших глазах антикоррупционным проектом искусственно сконструирована новая глобальная среда фальсификаций, к которой будут причастны миллионы людей, ни о каких противозаконных действиях прежде не помышлявших.

Многостраничный разговор можно вести об обязательных тендерах, фундаменте «антикоррупционной государственности». Хотя бы о тендерах на выполнение работ – от научно-исследовательских до строительных.

Типичная картина: работа планируется как годовая и должна быть завершена к концу года. Умозрительно предполагается ее начало в первом квартале. Но до апреля-мая идет согласование задач и бюджета, потом объявляется тендер и осуществляется множество связанных с ним процедур, которые завершаются... к октябрю-ноябрю (а нередко и к декабрю). Потом неторопливо осуществляется перевод денег. За оставшиеся две недели подрядчик должен осуществить годовой объем работ. Что и как будет сделано – отдельный вопрос, но в отчете все должно соответствовать первоначальному заказу.

Особенно удачно способствуют школам тендеры в организации летних ремонтов: определенность с подрядчиком, выигравшим тендер, обычно наступает в августе, а к 1 сентября все должно быть закончено.

И, конечно, орграсходы на тех консультантов, которые помогут провести нужного участника через тендерные хитросплетения (а потом успешно отчитаться за непонятно как сделанную за невероятно короткие сроки работу) намного превышают былую «коррупционную составляющую».

Новый класс некоррумпированных чиновников. Похоже, эта уникальная порода выведена. Она предстала одним из самых страшных бедствий (по крайней мере, в образовании, но, вероятно, и во многих других областях жизни).

Ее девиз: «Нам не надо проблем».

Новая порода формируется в новой ситуации. Конкретная поддержка любого реального дела может быть расценена как коррупционная, зато нынешние солидные зарплаты среднего слоя региональных начальников едва ли не превышают прежние размеры взятки.

Амбициозность, хозяйский взгляд на подведомственные учреждения как на свой удел, неразличение своего и государственного, укорененность, клановость, привычка покровительствовать, самодурствовать и защищать своих от чужих – с этими традиционными барскими замашками крупного российского чиновничества было трудно иметь дело, но как-то возможно.

Их вытесняет теперь та самая прозрачная пустота: «я ничего не могу», «я ничего не решаю», «увы, теперь это невозможно». Единственная по-настоящему ответственная задача – не создавать проблем начальству.

Бездеятельность ненаказуема, наказуема «неисполнительность». В чем разница? Исполнительность предполагает демонстрацию немедленной готовности взяться за любое поручение – и способность в нужный срок изобразить тот фиктивно-демонстративный продукт (преимущественно в бумажной форме), который засвидетельствует успешное продвижение в указанных направлениях.

Когда эта фиктивно-бумажная деятельность зацепляет реальность – то там закрываются школы, увольняются директора, распадаются десятилетиями существовавшие кружки, клубы и детские организации, в отвращении от бесчисленных придирок уходят из школ лучшие учителя.

У бизнеса отбита всякая охота соваться в школьное образование, некоммерческие фонды изгнаны, практически все возможные для образования ресурсы находятся в руках государства и властей крупных городов. Но управленцы новой генерации решений не принимают. Никаких. Ни по какому поводу.

Остается надеяться на древние, не претерпевшие больших перемен с екатерининских времен, инстинкты «коренного» чиновничества – что оно как-то сможет за себя постоять и «вывести в люди» хотя бы некоторое количество себе подобных.

Сезон охоты. Многими обсуждалась изюминка постсоветских политических режимов: они держатся на потенциальной виновности каждого, на том, что на любого сколько-то активного участника общественной и экономической жизни можно завести уголовное дело в тот момент, когда это потребуется власти.

Сезон борьбы с коррупцией снял эту последнюю, очень существенную оговорку. Последние несколько лет на большей части России на людей охотятся, их мытарят и отправляют под суд не потому, что кому-то надо раздавить противника или конкурента, – а просто потому, что теперь за скальпы дают награды.

Идет борьба с коррупцией. Дела, доведенные до суда, – лучшее украшение послужных списков, понятный способ продвижения по службе. Но кроме карьерной есть и другая, более страшная сторона. Тем, кто попробовал вкус крови на свободной охоте, подержал в руках судьбу человеческую, по своей прихоти ее милая или калеча, нелегко потом отказывать себе в таком удовольствии...

Новая волна приумножения числа заключенных в демократической России уже грозит превысить показатели сталинской эпохи. Уровень понимания всевозможными «органами» своих задач стремится к тем же отметкам. Не по государственной воле – по убогим законам развращаемой психики.

Не пора ли начать останавливаться?

Освобождалась ли когда-нибудь Россия от коррупции? Такое, как ни странно, случалось. Например, в царствование Александра II. Причем никаких следов активной борьбы с коррупцией мы в те годы не обнаружим. Зато был свежий воздух общественной и государственной жизни, другие горизонты, новые ценности, новые задачи и системы отношений. Безнадежно разложившийся, насквозь продажный, прогнивший и недееспособный чиновный мир николаевской эпохи стремительно и незаметно сменился вполне пристойным российским государственным механизмом второй половины девятнадцатого столетия.

А вот обратного примера припомнить не могу: чтобы в результате успешной «борьбы с коррупцией» коррумпированная власть стала законопослушной.

Особого противоречия здесь нет. «Борьба с коррупцией» – разрекламированная кампания охоты на «плохих людей». Но масштабную коррупцию порождают не люди, а системы отношений. «Борьба с коррупцией» может быть эффективна как раз только в благополучной обстановке, где взятка – не норма, а отклонение от нормы.

Проведите мысленный эксперимент: допустим, посадят за поборы всех нынешних гаишников и наберут всех новых. Вы верите, что через год они не станут такими же?

Вытравливает коррупцию не выслеживание виновных, а изменение системы отношений.

Но, видимо, это срабатывает только в том случае, когда меняются не просто схемы и порядок субординации – а отношение людей к своему месту в жизни, к своим задачам, к своему личному и профессиональному достоинству. Для этого нужен какой-то приток свежего воздуха, ощущение каких-то осмысленных горизонтов в своей жизни и в жизни страны.

Откуда взяться «свежему воздуху»? Какими могут быть горизонты? Что изменять в тех или иных управленческих системах? Можно предполагать, проектировать, фантазировать разное. Или хотя бы ждать и надеяться.

Но можно утверждать с уверенностью: «борьба с коррупцией», разжигание низменных инстинктов охоты на людей, культивирование безответственных высокооплачиваемых бездельников как нового поколения чиновников – это отшибает любые возможности, отравляет любой воздух, лишает всяких возможных горизонтов будущего.

Давайте поборемся с чем-нибудь другим.

А лучше – за что-нибудь хорошее.

Андрей Русаков
журналист газеты «Первое сентября» - специально для «Новой»

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)